

Благодарю за помощь:

Дмитрия Белоусова, Сергея Павлова, он же «Мозг», Бахадьра Мансурова, Станислава Сергеева — моего первого учителя в написании книг, *Олега Волынца, Сергея Симонова*, а также *читателей Самиздата* под никами *Библиотекарь, омикрон, Old_Kaa, General1812, Тунгус, Иван Иванов* и других — без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же *Бориса Александровича Царегородцева*, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей *любимой жене Татьяне Аполлоновне* (в девичестве Курлевой) и *дочери Наташе*, которые не только терпимо относятся к моему занятию, но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Лючии.

Пролог

Арктика, остров Новая Земля

Кто сказал, что ад — это пекло и котлы?

Серое небо, скалы, снег и лед. И отсутствие жизни. Даже арктическим летом (в августе) температура ниже нуля — а потому снег не тает. Белая пустыня, похожая на самый нижний круг Дантова ада.

Жизнь осталась на юге, за проливом Маточкин Шар. На острове, ближнем к материку, есть лето — когда земля зеленеет. Карликовые березки, ползучие ивы, мхи и лишайники дают пищу грызунам-леммингам и северным оленям, летают птицы и насекомые, бегают песцы, в многочисленных мелких озерах есть рыба. По берегу есть птичьи базары, лежбища нерп и моржей. Потому южный остров еще в древности был обитаем — тут жило неизвестное племя, оставившее каменные лабиринты и сгинувшее неизвестно куда. Затем нередкими гостями у этих берегов были поморы и норвежцы, охотники на морского зверя. Первым постоянным жителем острова был ненец Фома Вылка с семьей, это случилось в 1869 году. При советской власти было уже двенадцать поселков — строили их заключенные с Соловков. Помимо военного значения, предполагалось, что там будут добывать марганец — советские геологи нашли на южном острове богатейшие залежи этой руды (причем доступной для добычи

открытым способом), а также медь, цинк, свинец, серебро, редкоземельные металлы¹.

А на северном острове нет зелени даже летом. Лишь ледник — как в Антарктиде или Гренландии.

Жизнь пришла туда лишь в последние годы — когда там появились военные. Поскольку для испытаний советского атомного оружия было недостаточно полигона в Казахстане — и местность относительно обжитая, и флотскую специфику (взрыв подводный, взрыв надводный) не смоделировать. Первый боеприпас (атомную торпеду) тут взорвали в пятьдесят третьем, расставив на различном расстоянии старые (и трофейные) корабли. Поскольку мощность была невелика по атомной мерке, в десяток килотонн — на населенной территории в трехстах километрах к югу ничего не ощутили. Впрочем, населенными те места можно было назвать с большой натяжкой — несколько кочевий оленеводов в тундре вдоль Карского побережья, а после и их всех вывезли на материк. Центры цивилизации (даже города, с населением более тысячи человек), Белушья Губа и Рогачево, находились на юго-западной оконечности южного острова, прикрытые от холодного Карского моря срединным хребтом. Тут был построен порт, способный принимать даже большие морские суда, и аэродром, рассчитанный на тяжелые транспортные самолеты — все грузы с материка прибывали сюда — ну а дальше, малой авиацией, вертолетами и катерами, по военным «точкам», метеостанциям. Но никто после 1921 года (когда на островах работала норвежская геологическая экспе-

¹ Марганец имеет большое значение для производства высокопрочных сталей. Однако в Европе всего два месторождения — Никополь на Украине, и вот это, на Новой Земле. В мире же его добыча — ЮАР, Казахстан, Китай, Австралия. — *Здесь и далее примеч. автора.*

диция) не видел тут иностранцев. До этих дней, октября пятьдесят пятого.

Сезон уже заканчивался. В Арктике самое лучшее время — август и начало сентября, короткое северное лето, когда море максимально свободно ото льда и есть возможность забросить снабжение на дальние точки, и для авиации летная погода стоит почти все дни. Но и после жизнь не замирает, служивый народ в Рогачево был приучен, что если кто-то прилетел сюда с материка, значит так надо, но даже привычные ко всем погранцы были удивлены при виде прибывшей на Ил-18 толпы журналистов и прочих всяких атташе с диппаспортами, причем не только из соцстран, но и из мира капитала. Правда, особо обозревать панораму новоземельской столицы им не позволили, в темпе пересадив гостей с их багажом на два «дугласа», тут же взлетевших и взявших курс на север.

— Надеюсь, нас не в лагерь везут, — пошутил один из пассажиров, произнеся это по-английски, — в тот страшный «ГУЛаг-два», который по легенде вызывает ужас у всех русских преступников и так называемых врагов народа — откуда никто не возвращался живым?

— Я знаю не больше вас, — сухо ответил его сосед, — нам обещали показать какое-то ужасное русское оружие. Думаю, мы увидим слабое подобие того, что было на атолле Бикини — в бухте стоит целый флот, и вдруг большой «бум», огненный шар поглощает все, а когда он исчезает, все корабли испарились, распались на атомы. Ну по крайней мере, так это выглядело на кинолентке, которую показали приглашенной иностранной публике.

— А все же русские поступают с нами по-свински... В смысле — что могли бы устроить спектакль где-нибудь поближе к цивилизации. Да и что они могли

собрать в качестве мишеней — классом не выше эсминца? После Бикини, где в прах превратились шесть линкоров — и японские трофеи, и наши заслуженные старички, — это как-то не будет смотреться!

— А если это не просто Бомба? Русские не раз уже удивляли мир. Что если они изобрели «землетрясательное оружие»? Или, как в том фантастическом романе, где вся вода на планете взорвалась, как атомный снаряд?

— Я не люблю фантастику. И думаю, что даже Сталин не столь безрассуден, чтобы так не ценить даже свою собственную жизнь. Потому предпочитаю не строить догадок, а ждать, что нам покажут, коль уж пригласили.

Самолет снизился до высоты в несколько сотен метров. В салон вышел сопровождающий от советской стороны (в штатском, но наверняка служит в ГБ). Взял микрофон.

— Господа, прошу внимания! Мы находимся над эпицентром того, что случится тут меньше чем через сутки. Вот тот крест на леднике, его размеры шестьсот на шестьсот метров, это разметка мишени для самолета-бомбардировщика. Те мачты, которые вы можете видеть, — это автоматические регистраторы, задача которых снять параметры происшедшего, в интересах науки — они стоят на расстоянии от одного километра до сорока. Ну а мы поворачиваем и летим на командный пункт в ста пятидесяти километрах к югу.

Место было очень неудобным. Начав с того, что от посадочной полосы надо было еще долго подниматься в гору, по такой дороге, что вызывало удивление, как по ней вообще ездят эти русские? Лагерь располагался в лощине между отрогами гор, спускающихся от основного хребта к морю. Причем на южном скло-

не — так, что вообще ничего нельзя было увидеть в направлении будущего «события». Несколько вагончиков, полузакопанных в землю, антенны радиостанции, условия самые спартанские. Правда, обед из полевой кухни оказался очень даже сытным и вкусным — борщ, гуляш, макароны по-флотски. И приятным дополнением — красное вино. Категорически же не понравилось, что все два десятка гостей должны были разместиться в единственном домике, в ужасной тесноте — «но потерпите, всего на одну ночь». А еще, что выход за пределы лагеря (смотреть тут было нечего, но ради любопытства) был возможен лишь в сопровождении одного или даже двух русских солдат с автоматами наготове. Нас тут что, как арестантов держат — шаг в сторону, это побег?

— Да куда ж вы тут побежите — полтысячи километров до ближайшего жилья, и то если повезет на него наткнуться! А вот белые медведи вас запросто скушают — тут даже мы поодиночке опасаемся, а без оружия никак нельзя!

Спали вповалку, бок о бок, благо мороза не было, температура около ноля. К тому же русские любезно предоставили теплую одежду и спальные мешки. Так что самым серьезным испытанием пока были лишь ночные прогулки в отхожее место (будку поодаль), где стоял совершенно собачий холод, — а еще в десяти метрах ходил русский солдат с АК, готовый отразить нападение медведей. Которые и правда тут водились — утром видели одного поодаль, мирно бредущего мимо, без всяких агрессивных намерений.

Ближе к полудню появился самолет. В небе едва была видна точка, за которой тянулся белый след, но в бинокль можно было различить силуэт со стреловидным крылом и четырьмя моторами.

— Началось! — сказал русский сопровождающий. — Господа, вам лучше всем сейчас укрыться в безопасное место.

И прибавил вполголоса:

— Хотя где оно тут, безопасное — черт его знает.

Один из гостей — тот, кто в самолете спрашивал про «ГУЛаг-два» — был недоволен, сказал:

— Мы ничего не увидим отсюда, я желаю с оптикой и фотоаппаратурой подняться вон туда, на гребень.

На что получил ответ:

— Ваше право, мистер. Но прошу всех присутствующих быть свидетелями, что это исключительно ваше решение. И вас предупредили — в этом случае не отвечаем за вашу жизнь и здоровье.

Сначала вспыхнул свет, намного ярче тусклого поллярного солнца, заполнив весь северный горизонт. Лагерь был в тени, ниже по склону — но все равно хотелось плотно зажмурить глаза. Звук пришел после, через семь с четвертью минут (как кто-то, не потерявший хладнокровия, успел засечь по часам) — земля тряслась, как при обстреле. А когда закончилось, все увидели огромное грибообразное облако, поднявшееся над горой.

— Теперь можно подняться и взглянуть, — сказал русский, — и побыстрее убираться отсюда: еще неизвестно, куда радиоактивную гадость понесет. Летчики молодцы, не промахнулись, и все сработало, как надо — упало бы в море, до нас докатилось бы неслабое цунами. Потому лагерь не на берегу, а на высоте — это место долго подбирали, чтобы затеняло от вспышки, и не было опасности обвалов и лавин. Через час самолет прилетит — и будьте готовы все на погрузку!

По ту сторону горы были голые черные скалы — снег и лед испарились целиком. Гриб был виден отсюда

во всей красе, поднимаясь на огромную высоту — казалось невероятным, что до него сто пятьдесят километров. И страшно было представить, что стало с медведями, тюленями и моржами — людей же, по заверению советских, не было никого на север отсюда и в радиусе пятисот километров (ну кроме нас). Это не атолл Бикини, это что-то совершенно невообразимое!

В Рогачево, перед посадкой на Ил-18, русский «куратор» сделал заявление:

— Господа, вы были свидетелями, как Советский Союз произвел испытание термоядерного боеприпаса, изготовленного по новейшей технологии, которая позволяет получить мощность взрыва, в теории, даже до гигатонн, то есть миллиардов тонн тротила. Первоначально при данном испытании планировалась мощность в сто мегатонн, однако же по настоянию советских ученых она была уменьшена вдвое, во избежание причинения чрезмерного ущерба природе. Более полную информацию вы сможете получить в Архангельске на пресс-конференции, где вам ответят на ваши вопросы — разумеется, если это не будет составлять государственную тайну СССР.

Вечером того дня, 15 октября 1955 года (в той реальности), телетайпы всех мировых информационных агентств «раскалились докрасна». Но если на следующий день в «Правде» и «Известиях» сообщение о взрыве «Царь-Бомбы» (и здесь получившей такое прозвище) было напечатано, хоть и на первой странице, но внизу, не самым крупным шрифтом, среди прочих важных новостей — то «Вашингтон пост», «Таймс» и им подобные неистовствовали так, будто на Землю вторглись уэллсовские марсиане. И в довесок к самому существованию подобного оружия, впечатление производил тот факт, что Бомба была сброшена со стан-

дартного бомбардировщика, состоящего на вооружении советских ВВС — это значит, что в случае будущей войны Лондон и Париж, а возможно, и Нью-Йорк... Эксперты уже посчитали, что при взрыве такого над Манхэттеном, не только в самом «большом яблоке», но и в его окрестностях не останется ничего живого!

На биржах акции оружейных корпораций устойчиво скакнули вверх.

Среди заголовков газет наибольшую известность получил один — «Солнце нового мира». Конечно же коммунистического мира, о котором мечтают в Москве, желая всех загнать в свой колхоз и ГУЛАг. Парадоксально, но эта же фраза стала популярна и среди «прогрессивных сил» Запада — символизируя жажду поджигателей войны в угоду прибылям корпораций. И среди технократических кругов — как образ достигнутой человечеством мощи, способной поставить под угрозу само выживание человека как вида — так не пора ли поставить эту силу под международный контроль?

Москва, этот же день

Сталин смертельно устал.

Можно сколько угодно говорить, что «семьдесят семь лет — для кавказца не возраст», но на самом-то деле годы давали о себе знать. Несмотря даже на то, что в этой истории удалось избежать инсультов, подлечиться лекарствами из будущего и вовремя бросить курить...

С усмешкой генсек вспомнил, как кто-то из попандцев предположил, что его ошибкой в их прошлом было то, что он «успокоился». Война завершилась победой, потерянные во время смуты территории воз-

вращены, возник обширный лагерь социалистических государств — значит, можно и уйти на покой, передав власть преемнику. Но как можно подумать, что он, Сталин, правивший страной почти тридцать лет и за это время видевший не одно головокружение от успехов, не один взлет мечты, потом сменявшийся резким, но отрезвляющим ответным ударом, решил, что работа закончена и дальше все пойдет вперед, по пути прогресса, как-то само собой, без сопротивления снаружи и изнутри страны?! После того, что было в той истории (насколько удалось собрать информацию от гостей из будущего) — после Фултонской речи Черчилля, создания НАТО, Корейской войны, внутренних дрязг в партии, в том числе и на самом верху.

Там он предупреждал ближайших соратников: вот не будет меня — пропадете! Всех вас передуют, как слепых котят! И до своих последних дней он, товарищ Сталин работал именно над тем, чтобы не дать этим самым соратникам пустить под откос все им созданное. Продвинул на Девятнадцатом съезде создание на смену Политбюро — расширенного Президиума ЦК, куда включил ряд новых, причем высокообразованных людей (не чета малограмотным бывшим подпольщикам), в том числе нескольких занимающихся только вопросами идеологии. Потому что — «нам надо искать идеологию. Без идеологии нам смерть! Если в экономике мы допустим какие-то ошибки, то, имея такую мощную экономику и положительный задел, мы эти ошибки преодолеем, даже если получим ущерб в сколько-то миллиардов рублей. Но если мы допустим ошибку в идеологии, если мы пойдем не тем путем — мы потеряем весь проект, мы потеряем страну, можно сказать, что мы дискредитируем и скомпрометируем социализм и идею построения светлого коммунистического